УДК 811.511.131’282

К. Ф. Бубина
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск

Из истории изучения говоров собственно южного диалекта удмуртского языка

В статье проводится анализ работ отечественных и зарубежных ученых, касающихся говоров собственно южного диалекта удмуртского языка. Более детально рассматриваются исследования, в которых находит отражение языковая специфика указанных говоров. Анализ источникового материала показал, что данный диалектный ареал изучен фрагментарно. Для получения более полной картины фонетико-морфологических и лексических особенностей говоров необходимо проведение комплексного исследования.

Ключевые слова: диалектология, удмуртский язык, собственно южный диалект, исследователи.

В удмуртской диалектологии на данный момент наименее изученными являются говоры собственно южного диалекта. Указанные говоры распространены в южной части Удмуртской Республики и в административно-территориальном отношении включают в себя говоры удмуртов, проживающих в Алнашском, Киясовском, Граховском районах, южной части Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов Удмуртии и в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менеделеевского района Татарстана [Кельмаков 1998: 42].

Фиксацией и описанием своеобразия удмуртских диалектов в различные периоды занимались как отечественные, так и зарубежные лингвисты. Наша работа посвящена анализу источников и материалов, касающихся языковых особенностей говоров собственно южного диалекта.

В XIX в. исследователями удмуртской диалектной речи современные говоры собственно южного диалекта чаще всего обозначались термином «елабужский диалект» [Wiedemann 1858; Munkácsi 1887; Wichmann 1893; 1901а; 1901б].

Впервые особенности говоров данного ареала нашли отражение в работах известного финно-угроведа Ф. Й. Видеманна. В работе «Zur Dialektenkunde der wotjakishen Sprache», опубликованной в 1858 г., ученым выделено 6 удмуртских диалектов: глазовский, сарапульский, малмыжский, оренбургский, казанский и елабужский, где под последним

имеются в виду рассматриваемые нами говоры. В списке слов, представленных в работе Ф. Й. Видеманна, зафиксированы также отдельные лексемы, которые свойственны «елабужскому диалекту», например: *vil'* [Wiedemann 1858: 23] ‘новый’, *gid'* [Там же: 14] ‘хлев’, *maktas'kyny* [Там же: 12] ‘хвастаться’, *uram* [Там же: 14] ‘улица’, *vapum* [Там же: 14] ‘время, определенный промежуток времени’ и др.

Определенный материал по исследуемым говорам содержится в работах известного венгерского ученого Берната Мункачи. В ходе экспедиции, организованной в 1885 г., он побывал у различных групп удмуртов. Результаты этой поездки получили отражение в его книге «Votják népköltészeti hagyományok» [Munkácsi 1887] и диалектологическом словаре «A votják nyelv szótára» [Munkácsi 1896]. Тексты и лексика по «елабужскому диалекту», включенные в фольклорный сборник и словарь, дают нам возможность выделить некоторые отличительные черты этого диалекта. Приведем слова, представленные в текстовых материалах Б. Мункачи с пометой «елабужский диалект»: *vil'* [Munkácsi 1887: 120] ‘новый’, *äm-jum* [Там же: 126] ‘лекарство’, *olo-kin'* [Там же: 58] ‘кто-то’, *kijar* [Там же: 58] ‘огурец’, *kus'kiŋiį* [Там же: 152] ‘начинать’, *gid'* [Там же: 156] ‘хлев’, *gord kušman* [Там же: 28] ‘свекла’, *sul'der* [Там же: 28] ‘рисунок, чучело’, *s'ain* [Там же: 120] ‘по’ и др.

Интересный языковой материал венгерский ученый записал в годы Первой мировой войны от военнопленных удмуртов у себя на родине. Сам автор при жизни не успел подготовить к публикации собранные тексты. После определенной доработки их издал венгерский ученый Д. Р. Фокош-Фукс под названием «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (1952). Среди 25 информантов Б. Мункачи было 6 удмуртов Елабужского уезда. В записях венгерского ученого нашли отражение языковые особенности «елабужского диалекта», в частности: отдельные фонетические черты (*pin'al* [Munkácsi 1852: 424] ‘молодой’, *olo-kin'* [Там же: 386] ‘кто-то’, *us'ki* [Там же: 409] ‘я посмотрел’, *giŋä* ‘лишь, только’), некоторые морфологические явления (выражение деепричастия с помощью суффикса *-кы*: *äktiŋkiį* [Там же: 386] ‘танцуя’, *värakiį* [Там же: 386] ‘говоря’; образование форм датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа с помощью суффикса *-лы: mil'emliį* [Там же: 412] ‘нам’, *til'etliį* [Там же: 412] ‘вам’); лексические особенности (*kijar* [Там же: 391] ‘огурец’, *ulmo* [Там же: 418] ‘яблоко’, *kurdas'ko* [Там же: 396] ‘я боюсь’, *uram* [Там же: 378] ‘улица’).

Значительный материал по языковым особенностям удмуртских диалектов, в том числе говоров собственно южного диалекта, содержится в работах финского ученого Ю. Вихманна «Wotjakische Sprachproben»

[Wichmann 1893; 1901б] и «Wotjakische Crestomathie mit Glossar» [Wichmann 1901а]. Исследователь дважды побывал в экспедициях (1891 г., 1894 г.) у различных групп удмуртов и собрал богатый фольклорный материал. Тексты по «елабужскому диалекту» Ю. Вихманн записал в двух населенных пунктах Старый Утчан и Котнырево Алнашского района, расположенных на территории распространения нижнеижских говоров. В два тома книги «Wotjakische Sprachproben» [Wichmann 1893; 1901б] включено примерно 130 фольклорных текстов по «елабужскому диалекту», среди которых 69 обрядовых и свадебных песен, 35 пословиц и поговорок, 19 рекрутских песен и 7 шуточных песен. В работах ученого зафиксированы отдельные фонетические и морфологические черты указанного диалекта, например: 1) функционирование заднеязычного носового согласного *ŋ*: *baŋ* [Wichmann 1901б: 77] ‘щека’, *puŋiz* [Там же: 77] ‘конец’, *ziŋ* [Там же: 77] ‘запах’; 2) замена согласного *л* на билабиальный *ў*: *vâu̯* [Там же: 75] ‘лошадь’, *piń̂au̯* [Там же: 78] ‘молодой’; 3) употребление в ряде слов гласного *ӧ* вместо *о*: *gӧl̓ik* [Там же: 83] ‘голый’; 4) функционирование деепричастного суффикса *-ку* в варианте *-кы*: *pi̯ri̯ki̯* [Там же: 80] ‘заходя’, *baśti̯ki̯* [Там же: 76] ‘покупая’. Кроме того, в фольклорно-диалектологических материалах Ю. Вихманна встречаются лексемы, присущие южным говорам, в частности: *kukei̯* [Там же: 74] ‘яйцо’, *bukoy* [Там же: 77] ‘дуга’, *s'umi̯k* [Там же: 70] ‘бокал, рюмка’, *kel'šem* [Там же: 71] ‘понравился’.

Значительная роль в изучении говоров собственно южного диалекта принадлежит удмуртскому ученому и общественному деятелю Т. К. Борисову. По материалам фольклорно-лингвистической экспедиции к удмуртам, проживающим в различных населенных пунктах Алнашского района, исследователем была опубликована книга «Песни южных вотяков» [Борисов 1913]. Работа представляет собой сборник песен алнашских удмуртов с комментариями. В дальнейшем ученый дополнил книгу новым материалом и переиздал ее в 1929 г. Отметим отдельные языковые особенности говора алнашских удмуртов, которые нашли отражение в первом издании указанного сборника: 1) палатализация согласных *н* и *т* под влиянием предыдущего гласного *и*: *пин'ал* (< *пинал*) [Борисов 1913: 7] ‘молодой’, *мин'дэр* (< *миндэр*) [Там же: 8] ‘подушка’, *кин'* (< *кин*) [Там же: 126] ‘кто’; 2) образование деепричастий с временным значением при помощи суффикса *-кы*: *л'укис'кыкы* [Там же: 22] ‘расставаясь’, *вас'кыкы* [Там же: 28] ‘спускаясь’, *вошгис'кыкы* [Там же: 99] ‘меняясь’); 3) функционирование специфических лексем (*ӟоскыт* [Там же: 56] ‘тугой’, *базытэк* [Там же: 57] ‘не веря’, *алама* [Там же: 58] ‘плохой’.

Большую научную ценность с точки зрения фиксации лексики удмуртских диалектов представляет другая работа Т. К. Борисова –

словарь «Удмурт кыллюкам» [Борисов 1932; 1991], опубликованный в 1932 г. и переизданный в 1991 г. Он включает в себя около 15 000 удмуртских лексем с элементами толкования и с указанием на их диалектную принадлежность. В удмуртском языке автор выделяет 4 наречия: северное, срединное, южное и крайне-южное, которые в свою очередь распадаются на говоры. По мнению Т. К. Борисова, южное наречие распространено в бассейне р. Тоймы и включает в себя говор удмуртов, в административном отношении входящих в бывший Елабужский уезд. Ученый считает, что это наречие можно бы именовать тойминским или камско-вятским [Борисов 1991: XV]. В предисловии к словарю Т. К. Борисов дает краткую характеристику удмуртских наречий. К примеру, в качестве дифференциальной фонетической черты южного наречия исследователь указывает на активное функционирование носового согласного звука *нг*: *банг* (юж.), *бам* (сев.), *бан* (бес.) ‘щека’ [Борисов 1991: XIX]; *ӵанга* (юж.), *ӵана* (сев.) ‘галка’ [Там же: XIX]; *ангалтйськыны* (юж.), *ангалткыны* (сред.), *аналтскыны* (сев.) ‘изленитьсяʼ [Там же: XIX]. С пометой «южное наречие» в словарь включено 418 лексем. Автором отмечены такие характерные для южного наречия слова, както: *аби* ‘бабушка’ [Там же: 3], *агай* ‘старший брат’ [Там же: 38], *азьдор* ‘переднее место’ [Там же: 42], *бака* ‘лягушка, жаба’ [Там же: 58], *балян* ‘рысь’ [Там же: 58], *вапунг* ‘век’ [Там же: 77], *валтуяк* ‘копыто лошади’ [Там же: 80] и др.

С середины 50-х гг. XX в. в истории удмуртской диалектологии начался новый этап, ведущим направлением которого стало теоретическое описание говоров на всех уровнях системы языка либо отдельных его уровней или явлений. В данный период было опубликовано много работ, посвященных описанию отдельных удмуртских говоров.

Большое значение в исследовании говоров собственно южного диалекта имеют труды Г. А. Архипова. Этим ученым был опубликован ряд статей, касающихся особенностей среднеюжного диалекта, в частности: «Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка» [Архипов 1962: 189–206], «Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I» [Архипов 1978: 3–46], «Среднеюринский говор I» [Архипов 1981: 5–44], «Среднеюринский говор II» [Архипов 1982: 28–59]. Две последние из указанных работ посвящены описанию фонетических, грамматических и лексических черт среднеюринского говора. В частности, им отмечены следующие языковые особенности говора: 1) выпадение гласных в структуре слова: *мынса* (< *мыныса*) [Архипов 1981: 8] ‘идя, направляясь’, *кэнсы* (< *кэносэ*) ‘идя, направляясь’ [Там же: 8]; 2) явление ассимиляции в области согласных: *гыл'л'аны* (< *гылйаны*) ‘полоскать’ [Там же: 6], *пин'ал'л'ос* (< *пиналйос*) ‘дети’ [Там же: 6]; 3) вставка звуков в конце слов: *мэдак* (< *мэда*) ‘ли, же’

[Там же: 7], *гынэк* (< *гинэ*) ‘лишь’ [Там же: 7]; 4) палатализация согласных *н, д, т* в соседстве с переднерядным гласным *и*: *ин′* [Там же: 7] ‘небо’, *с′ин′* ‘глаз’ [Там же: 7], *гид′* ‘хлев’ [Там же: 7], *от′и* ‘там’ [Там же: 7]; 5) явление деаффрикатизации: *ӟэс′* (< *ӟэч*) ‘хорошо’ [Там же: 8], *кэс′* (< *кэч*) ‘коза’ [Там же: 8]; 6) выражение форм винительного падежа существительных суффиксом *-ыз*: *с′ас′каосыз* (сев. *с′ас′каосты*) ‘цветы’ [Там же: 9], *ныл′л′осыз* (сред. *ныл′л′осты*, сев. *нылйосты*) ‘девочек, девчушек’ [Там же: 9]; 7) функционирование специфических лексем: *казарйас′кыны* ‘вести себя высокомерно (т. е. как хазар), задирать нос’ [Там же: 10], *зэрэбэй* ‘пест’ [Там же: 10] и др.

В статье «Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка» Г. А. Архипов отмечает, что к среднеюжному диалекту относятся удмуртские говоры, распространенные в северной части Алнашского района (бассейн р. Чаж), восточной части Можгинского района (бассейны рек Сарсак, Лудзи, Пычас), юго-западной части Малопургинского района (бассейны рек Юри, Бобья, Агрызка). Как далее продолжает ученый, «<…> носителями этих говоров являются прикибьинсикие, прибобьинские, приагрызские, припычасские и прилудзинские удмурты» [Архипов 1978: 3]. Отметим некоторые особенности, выявленные автором в области морфологии указанного диалекта: 1) выражение форм винительного падежа множественного числа существительных суффиксом *-ыз*: *эшйосыз* ‘друзей, товарищей’ [Архипов 1978: 24], *ыжйосыз* ‘овец’ [Там же: 24]; 2) оформление деепричастий с суффиксом *-кы*: *мыныкы* (лит. *мыныку*) ‘когда идешь’ [Там же: 3], *гырыкы, гыркы* (лит. *гырыку*) ‘когда пашешь; при вспашке’ [Там же: 3–4] и др.

Выдающимся специалистом в области удмуртской диалектологии является В. К. Кельмаков. Две свои работы ученый посвятил описанию диалектных особенностей говоров Киясовского района, относящихся по языковым особенностям к собственно южному диалекту [Кельмаков 1977: 26–61; 1978: 65–85]. Рассматриваемые говоры автор именует «кырыкмасскими». В. К. Кельмаков отмечает следующие характерные черты кырыкмасских говоров: 1) функционирование в определенном количестве слов гласного *ы* на месте *и* северноудмуртских диалектов: *чърдэ* (сев. *чирдэ*) ‘поет’ [Кельмаков 1977: 31], *с′ърпу* (сев. *с′ирпу*) ‘вяз’ [Там же: 31], *гънэ* (сев. *гинэ*) ‘лишь, только’ [Там же: 31]; 2) употребление трех вариантов фонемы *ы*: *ым*, *ъм*, *ӹм* ‘рот’ [Там же: 27], *ыж*, *ъж*, *ӱж* ‘овца’ [Там же: 27], *кытын*, *кътън*, *кӹтӹн* ‘где’ [Там же: 27]; 3) функционирование гласного *и* в соседстве с палатальным согласным в маркерах элатива и эгресива: *гуртис′* ‘из деревни’ [Там же: 30], *бакчаис′* ‘из огорода’ [Там же: 30], *отис′эн* ‘оттуда’ [Там же: 30], *кытис′эн* ‘откуда’ [Там же: 30] и др.

Теоретическому описанию фонетической системы и морфологического строя удмуртских диалектов посвящена книга В. К. Кельмакова

«Краткий курс удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998]. Помимо этого, работа включает в себя значительный корпус текстов, охватывающих большинство диалектов удмуртского языка. Собственно южный диалект, по мнению В. К. Кельмакова, представляют удмуртские говоры, распространенные в Алнашском, Киясовском, Граховском, южной части Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов Удмуртии и в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менделеевского района Татарстана [Кельмаков 1998: 42]. В качестве отличительных черт указанного диалекта ученый приводит следующие явления: 1) функционирование перед палатальными согласными гласного *и* на месте *ы* северноудмуртских диалектов: *вил'* (сев. *выл'*) 'новый' [Кельмаков 1998: 65], *тис'* (сев. *тыс'*) 'семя, зерно' [Там же: 65], *из'ы* (сев. *ыз'ы*) 'шапка' [Там же: 66]; 2) палатализация согласных *н, д, т* в соседстве с переднерядным гласным *и*: *н'ин'* 'лыко' [Там же: 107], *бурччин'* 'шелк' [Там же: 107], *кэбит'* 'кузница' [Там же: 107]; 3) выражение аккузатива множественного числа имен существительных суффиксом *-ыз*: *коркаосыз* (< *коркаосты*) 'дома' [Там же: 113], *ад'амиосыз* (< *ад'амиосты*) 'людей' [Там же: 113] и др.

Значительный интерес в отношении фиксации текстового материала собственно южного диалекта представляет сборник В. К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи 3. Южные говоры 1» [Кельмаков 2015]. Он включает в себя фольклорно-диалектологический материал, зафиксированный в 19 населенных пунктах Можгинского (юго-восточная часть) и 10 селениях Малопургинского (юго-западная часть) районов. В книгу вошли 225 транскрибированных текстов на удмуртском языке с переводом на русский, среди которых 79 преданий, 39 сказок, 20 сказов, 6 быличек, 49 песен, 122 приметы и поверья, 42 загадки, а также небольшое количество колыбельных и детских песен. К сожалению, в сборнике отсутствует текстовой материал по народно-поэтическому творчеству алнашских и киясовских удмуртов, язык которых является объектом нашего исследования.

В 1981 г. издается коллективный сборник «Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи», в котором представлены также две статьи по интересующим нас говорам собственно южного диалекта. В работе Б. Ш. Загуляевой «Говоры дд. Муважи и Чумали» [Загуляева 1981: 126–136] дается краткое описание фонетико-морфологических особенностей говоров удмуртов двух населенных пунктов, расположенных в ареале алнашского говора. Автором в качестве различительных признаков указанных говоров приведены следующие явления: 1) замена аффрикаты *ч* щелевым *с'*: *ӟус'* (лит. *ӟуч*) 'русский' [Загуляева 1981: 126], *ӟэс'* (лит. *ӟеч*) 'хороший' [Там же: 126], *кэс'така* (лит. *кечтака*) 'козел' [Там же: 126]; 2) палатализация согласных *н* и *т* под влиянием

предыдущего гласного *и*: *кин′* (лит. *кин*) ‘кто’ [Там же: 126], *огин′ын* (лит. *огинын*) ‘вместе, в одном месте’ [Там же: 126], *пуӵит′* (лит. *пумит*) ‘против, навстречу’ [Там же: 126], *от′и* (лит. *отӥ*) ‘там, по тому месту’ [Там же: 126]; 3) стяжение гласного *о* в именах существительных (и местоименных основ) во множественном числе: *кунос* (< *куноос*) ‘гости’ [Там же: 126], *нылкышнос* (< *нылкышноос*) ‘женщины’ [Там же: 126], *сос* (< *соос*) ‘они’ [Там же: 127]. Отмечены также единичные случаи стяжения от основ на *а* и *ай*: *анос* (< *анаййос*) ‘мамы’ [Там же: 127], *атос* (< *атаййос*) ‘отцы’ [Там же: 127].

Некоторые сведения по языку южных удмуртов представлены в статье М. Г. Атаманова «Граховские говоры южноудмуртского наречия» [Атаманов 1981: 45–96]. Автор сосредотачивает свое внимание преимущественно на анализе фонетико-морфологических черт языка удмуртов, проживающих на территории Граховского района. К примеру, ученым отмечены такие специфические черты исследуемых говоров, как-то: 1) употребление в определенном количестве слов в соседстве с последующим велярным согласным или между *ж* и *ш* и последующим палатальным согласным гласного *ы* на месте *и* северноудмуртских диалектов: *гынэ* (сев. *гинэ*) ‘только, лишь’ [Атаманов 1981: 48], *жыл′ы* (сев. *жил′ы*) ‘цепь’ [Там же: 48]; 2) функционирование трех вариантов фонемы *ы*: *ышкалтыны, ъшкалтън, ӹшкалтӹн* ‘выдернуть’ [Там же: 48]; *ыгы, ъгъ, ӹгӹ* ‘серьги’ [Там же: 48]; 3) употребление в пределах первого слога в позиции перед палатальными согласными гласного *и* на месте *ы* северноудмуртских диалектов: *пиз′* ‘мука’ [Там же: 70], *вил′* ‘новый’ [Там же: 70], *биз′ын*(*ы*) ‘выйти замуж’ [Там же: 70] и др.

Таким образом, говоры собственно южного диалекта являлись объектом внимания ученых в различные периоды. Однако, как показал анализ материала, на данный момент они не получили комплексного описания. В специальной лингвистической литературе нашли отражение лишь отдельные диалектные микросистемы исследуемого языкового ареала. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего системного описания и анализа говоров собственно южного диалекта.

Сокращения

бес. – бесермянское наречие удмуртского языка, лит. – удмуртский литературный язык, сев. – северное наречие удмуртского языка, сред. – срединные говоры удмуртского языка, юж. – южное наречие удмуртского языка.

Литература

Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1962. С. 189–206.

Архипов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 3–46.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5–44.

Архипов Г. А. Среднеюринский говор II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 28–59.

Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.

Борисов Т. К. Песни южных вотяков. Ижевск: Удкнига, 1929. 102 с.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. XXXII + 384 с. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие). [Переиздание: Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удгиз, 1932. 374 с.].

Загуляева Б. Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26–61.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65–85.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 old.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (SUSA = JSFOu 11).

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Clossar. Helsingfors, 1901a. V + 134 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901б. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. (SUSA = JSFOu 19).

Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakishen Sprache // Mélanges Russer tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impérale des Sciences de St.-Péterbourg, III. St.-Péterbourg, 1858. S. 533–555.